

О МАЛОРОССИЙСКИХ ПЕСНЯХ

Только в последние годы — в эти времена стремления к самобытности и собственной народной Поэзии — обратили на себя внимание Малороссийские Песни, бывшие до того скрытыми от образованного общества и державшиеся в одном народе. Доказательством этому служат вышедшие недавно издания Гг. Максимовича и Срезневского. До того времени одна только очаровательная музыка их изредка заносилась в высший круг, слова же оставались без внимания и почти ни в ком не возбуждали любопытства. Даже музыка их не появлялась никогда вполне. Бездарный композитор безжалостно разрывал её и клеил в своё бесчувственное, деревянное создание. Но лучшие песни и голоса слышали только одни Украинские степи: только там, под сенью низеньких глиняных хат, увенчанных шелковицами и черешнями, при блеске утра, полудня и вечера, при лимонной желтизне падающих колосьев пшеницы они раздаются, прерываемые одними степными чайками, вереницами жаворонков и стнящими иволгами.

Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная История живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была деятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтического и он, при всей многосторонности её, не получил высшей цивилизации, то весь пыл, всё сильное, юное бытие его выливается в народных песнях. Они — надгробный памятник былого, более нежели надгробный памятник. Камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью — ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи.

В этом отношении песни для Малороссии — всё: и Поэзия, и История, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы, или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении не многие песни помогут ему; но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворён вполне; История народа разоблачится перед ним в ясном величии.

Песни Малороссийские могут вполне назваться историческими, потому что они не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств. Везде проникает их, везде в них дышит эта широкая воля казацкой жизни. Везде видна та сила, радость, могущество, с какою Казак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзию битв, опасностей и разгульного пиршества с товарищами. Ни чернобровая подруга, пылающая свежестью, с карими очами, с ослепительным блеском зубов, вся преданная любви, удерживающая за стремя коня его, ни престарелая мать, разливающаяся как ручей слезами, которой всем существованием завладело одно материнское чувство, — ничто не в силах удержать его. Упрямый, непреклонный, он спешит в степи, в вольницу товарищей. Его жену, мать, сестру, братьев — всё заменяет ватага гульливых рыцарей набегов. Узы этого братства для него выше всего, сильнее любви. Сверкает Чёрное море; вся чудесная, неизмеримая степь от Тамана до Дуная — дикий океан цветов, колышется одним налётом ветра; в беспредельной глубине неба тонут лебеди и журавли; умирающий Казак лежит среди этой свежести девственной Природы и собирает все силы, чтоб не умереть, не взглянув ещё раз на своих товарищей.

**То ще добре козацька голова знала,
Що без війська Козацького не вмирала.**

Увидавши их, он насыщается и умирает. Выступает ли Казацкое войско в походе с тишиною и повиновением; извергает ли из самопалов потоп дыма и пуль; кружает ли вольно мёд, вино; описываются ли ужасная казнь Гетмана, от которой дыбом подымается волос,

мщение ли Казаков, вид ли убитого Казака, с широко раскинутыми руками на траве, с раз-
мётанным чубом, клеткы ли орлов в небе, спорящих о том, кому из них выдирать казацкие
очи — всё это живёт в песнях и окинуто смелыми красками. Остальная половина песней
изображает другую половину жизни народа: в них разбросаны черты быта домашнего; здесь
во всём совершенная противоположность. Там одни Казаки, одна военная, бивачная и суровая
жизнь; здесь, напротив, один женский мир, нежный, тоскливый, дышащий любовью. Эти два
пола виделись между собою самое короткое время и потом разлучались на целые годы. Годы
эти были проводимы женщинами в тоске, в ожидании своих мужей и любезных, мелькнувших
перед ними в своём пышном военном убранстве, как сновидение, как мечта. От того любовь
их делается чрезвычайно поэтической. Свежая, невинная, как голубка, молодая супруга вдруг
узнала всё блаженство, весь рай женщины, которая вся создана для любви. Всё начало весны
её, проведённое с этим мощным, вольным питомцем войны, столпило для неё радость всей
жизни в одно быстро мелькнувшее мгновение. Против него ничто вся остальная жизнь; она
живёт одним им, одним этим мгновением. Тоскуя, ждёт она с утра до вечера возврата своего
чернобрового супруга.

**Ой черные бровенята!
Лыхо мини з вами:
Не хочете ночуваты
Ни ноченьки сами.**

Она вся живёт воспоминанием. Всё, на что они глядели вместе, куда они вместе ходили,
что вместе говорили, всё это припоминает она, не упуская ни одной мелкой черты. Она об-
ращается ко всему, что ни видит в Природе, дышащей жизнью, и даже к бесчувственным
предметам, и всем им говорит и жалуется. И как просты, как поэтически просты её испол-
ненные души речи! Ко всему применяет она состояние своё и не может наговориться: потому
что человек многоречив всегда, когда в его грусти заключается тайная сладость. Наконец
стихим, но безнадежным отчаянием говорит она:

**Та вжеж мини нэ ходыты,
Куды я ходыла!
Та вжеж мини нэ любиты,
Кого я любила!
Та вжеж мини нэ ходыты
Ранком по-пид замком!
Та вжеж мини нэ стояты
Из моим коханком!
Та вжеж мини нэ ходыты
В лиски по оришки!
Та вжеж мини минулися
Дивоцкія смишки!**

Чтобы сколько-нибудь сделать доступною для незнающих Малороссийского языка глу-
бину чувств, рассыпанных в этих песнях, привожу одну из них в переводе.

**Рассердился, разгневался на меня мой милый! Вот
он седлает своего вороного коня и едет
далеко-далеко от меня.**

**Куда же ты, мой милый, голубчик мой сизый, куда
ты уезжаешь? Кому ты меня, беззащитную,
молодую, кому оставляешь?**

**Оставляю тебя, моя милая, одному Богу. Жди меня,
пока я не возвращусь из дальней дороги.**

**О если б я знала, если б я видела, откуда будет ехать
мой милой: я бы ему по всей дороге мостила мосты
из зелёного тростника и всё бы ждала его в гости.**

**Боже Всесильный! выровняй все долины и горы,
чтобы везде было ровно, чтобы отголе ему до самого
дому было хорошо ехать.**

**Чу! луга шумят, берега звенят, по дороге зеленеет
травы — это он! это мой милый едет!**

**Чу! луга шумят, берега звенят, расцветает калина —
верно, где-нибудь мой милый, голубчик мой сизый,
с другою разговаривает.**

**Если с такою, как я, то... помоги ему, Боже! когда
же не с такою, но с худшею — разлучи его, Боже!**

Можно привести до тысячи подобных песен, может быть, даже гораздо лучших. Все они благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Везде новые черты, новые краски, везде простота и невыразимая нежность чувств. Где же мысли в них коснулись религиозного, там они необыкновенно поэтические: они не изумляют колоссальным созданием вечного Творца; это изумление принадлежит уже ступившему на высшую ступень самопознания; но их вера так невинна, так трогательна, так непорочна, как непорочна душа младенца. Они обращаются к Богу, как дети к отцу, они вводят Его часто в быт своей жизни с такою невинною простотою, что безыскусственное Его изображение становится у них величественным в самой простоте своей. От этого самые обыкновенные предметы в песнях их облекаются невыразимою поэзией: чему ещё более помогают остатки обрядов древней Славянской Мифологии, которые они покорили Христианству. Часто тоскующая дева умоляет Бога, чтобы Он засветил на небе восковую свечку, пока её милый перебредёт через реку Дунай. На всём печать чистого первоначального младенчества, стало быть, и высокой Поэзии. Изложение песней их, как женских, так и Казацких, почти всегда драматическое — признак развития народного духа и деятельной, беспокойной жизни, долго обнимавшей народ. Песни их почти никогда не обращаются в описательные и не занимают долго изображением Природы. Природа у них едва только скользит в куплете; но тем не менее черты её так новы, тонки, резки, что представляют весь предмет: впрочем, к ним прибегают для того только, чтобы сильнее выразить чувства души и потому явления Природы послушно влекутся у них за явлениями чувства. То же самое у них представляется разом и во внешнем, и во внутреннем мире. Часто вместо целого внешнего предмета находится только одна резкая черта, одна часть его. В них нигде нельзя найти подобной фразы: был вечер; но вместо этого говорится то, что бывает вечером, например:

Ой ревнула корова из череды идучи:

Наскучило миленького ждучи.

Оттого весьма многие, не поняв, считали подобные обороты бессмыслицей. Чувство у них выражается вдруг, сильно, резко и никогда не охлаждается длинным периодом. Во многих песнях нет одной общей мысли, так что они походят на ряд куплетов, из которых каждый заключает в себе отдельную мысль. Иногда они кажутся совершенно беспорядочными, потому что сочиняются мгновенно, и так как взгляд народа жив, то обыкновенно те предметы, которые первые бросаются на глаза, первые помещаются и в песни; но за то из этой пёстрой кучи вышибаются такие куплеты, которые поражают очаровательною безотчётностью Поэзии. Самая яркая и верная живопись и самая звонкая звучность слов разом соединяются в них. Песня сочиняется не с пером в руке, не на бумаге, не с строгим расчётом, но в вихре, в забвении, когда душа звучит и все члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положение, становятся свободные, руки вольно вскидываются на воздух и дикие волны веселья уносят его от всего. Это примечается даже в самых заунывных песнях, которых раздирающие звуки с болью касаются сердца. Они никогда не могли излиться из души человека в прозаическом состоянии, при настоящем воззрении на предмет. Только тогда, когда вино перемешаешь и разрушишь весь прозаический порядок мыслей, когда мысли непостижимо странно в разногласии звучат внутренним согласием в каком-то разгуле, торжественном, более нежели весёлом, душа, в непостижимой загадке, изливается нестерпимо унылыми звуками. Тогда прочь дума и бдение! Весь таинственный состав его требует звуков, одних звуков. От того Поэзия в песнях неуловима, очаровательна, грациозна, как музыка. Поэзия мыслей более доступна

каждому, нежели поэзия звуков, или, лучше сказать, поэзия Поэзии. Её один только избранный, один истинный в душе Поэт понимает: и потому-то часто самая лучшая песня остаётся не замеченною, тогда как незавидная выигрывает своим содержанием.

Стихосложение Малороссийское самое выгодное для песен: в нём соединяются вместе и размер, и тоника, и рифма. Падение звуков в них скоро, быстро; оттого строка никогда почти не бывает слишком длинна; если же это и случается, то цезура посередине с звонкою рифмою перерезывает её. Чистые, протяжные ямбы редко попадают; большею частию быстрые хореи, дактили, амфибрахии летят шибко один за другим, прихотливо и вольно мешаются между собою, производят новые размеры и разнообразят их до чрезвычайности. Рифмы звучат и сшибаются одна с другою, как серебряные подковы танцующих. Верность и музыкальность уха — общая принадлежность их. Часто вся строка созвучивается с другою, несмотря что иногда у обеих даже рифмы нет. Близость рифм изумительна. Часто строка два раза терпит цезуру и два раза рифмуется до замыкающей рифмы, которой сверх того даёт ответ вторая строка, тоже два раза созвучившись на середине. Иногда встречается такая рифма, которую, по-видимому, нельзя назвать рифмою, но она так верна своим отголоском звуков, что нравится иногда более, нежели рифма, и никогда бы не пришла в голову Поэту с пером в руке.

Характер музыки нельзя определить одним словом: она необыкновенно разнообразна. Во многих песнях она легка, грациозна; едва только касается земли и, кажется, шалит, резвится звуками. Иногда звуки её принимают мужественную физиономию, становятся сильны, могучи, крепки; стопы тяжело ударяют в землю, и кажется, как будто бы под них можно плясать одного только гопака или трепака. Иногда же звуки её становятся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гигантские, сияющиеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь в которые танцующий чувствует себя исполином: душа его и всё существование раздвигается, расширяется до беспредельности. Он отделяется вдруг от земли, чтобы сильнее ударить в неё блестящими подковами и взнестись опять на воздух. Что же касается до музыки грусти, то она нигде не слышна так, как у них. Тоска ли то прерванной юности, которой не дали довеселиться; жалобы ли это на бесприютное положение тогдашней Малороссии... но звуки её живут, жгут, раздирают душу. Русская заунывная музыка выражает, как справедливо заметил М. Максимович, забвение жизни; она стремится уйти от неё и заглушить вседневные нужды и заботы; но в Малороссийских песнях она слилась с жизнью: звуки её так живы, что, кажется, не звучат, а говорят, говорят словами, выговаривают речи, и каждое слово этой яркой речи проходит душу. Взвизги её иногда так похожи на крик сердца, что оно вдруг и внезапно вздрагивает, как будто бы коснулось к нему острое железо. Безотрадное, равнодушное отчаяние иногда слышится в ней так сильно, что заслушавшийся забывается и чувствует, что надежда давно улетела из мира. В другом месте отрывистые стенания, вопли, такие яркие, живые, что с трепетом спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль матери, у которой свирепое насилие вырывает младенца, чтобы с зверским смехом расшибить его о камень. Ничто не может быть выше народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни; если натиски насилием и непреодолимых вечных препятствий не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали из него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигде выразиться, как только в его песнях. Такова была беззащитная Малороссия в ту годину, когда хищно ворвалась в неё Уния. По ним, по этим звукам, можно догадываться о её минувших страданиях, так точно, как о бывшей буре с градом и проливным дождём можно узнать по бриллиантовым слезам, унизывающим снизу до вершины освежённые деревья, когда солнце мечет вечерний луч, разряженный воздух чист, вдали звонко дребезжит мычание стад, голубоватый дым — вестник деревенского ужина и довольства — несётся светлыми кольцами к небу, и вечер, тихий, ясный вечер обнимает успокоенную землю.

Н. Гоголь